

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ ГЮНТЕРА ГРАССА. *К переизданию романа «Траектория краба»*

Е.А. ЯМБУРГ

Переизданный недавно роман Гюнтера Грасса, казалось бы, в представлении не нуждается. Так считал и автор публикуемого материала до тех пор, пока, не обнаружив в букинистической лавке большую стопку уценённых книг и забрав весь «неликвид» в количестве пятидесяти экземпляров, он ни принялся дарить книгу своим коллегам-педагогам, рекомендуя её как логическое завершение «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко, подводящее воспитательные итоги минувшего века.

Траектория повествования

С благодарностью принимая подарок, коллеги по цеху скептически отнеслись к выстраиванию такой странной траектории развития педагогической мысли двадцатого столетия. А поскольку среди них преобладали преподаватели литературы, в их глазах явно прочитывалось известное высказывание Козьмы Прутков: «Специалист подобен флюсу». Признавая за собой грех известной профессиональной узости, приводящий к привычке смотреть на любое явление культуры, и в первую очередь на художественную литературу, глазами педагога, тем не менее, я обратил внимание на то, что, в отличие от литераторов, историки отнеслись к моей учительской оценке текста романа с меньшим скепсисом.

Недоумение коллег вполне объяснимо. На первый взгляд, текст романа Гюнтера Грасса меньше всего относится к так называемой педагогической прозе с её канонами повествования, занимающей свою скромную, но достойную культурную нишу. Достаточно освежить в памяти тексты не

только А.С. Макаренко, но Ф. Вигдоровой, С. Соловейчика; в Англии это целое направление – так называемые школьные повести.

В основе педагогической прозы – последовательно изложенные биографии педагогов и их воспитанников, разумеется, во временно́м и мировоззренческом контексте. Гюнтер Грасс избирает другую траекторию повествования: «Непонятно, однако, следует ли, как нас тому учили, изложить всё по порядку – сначала одно, затем другое, последовательно пересказать биографию за биографией, или же лучше избрать траекторию повествования, пролегающую как бы поперёк хронологической оси, чтобы получилось нечто вроде того, как ползает краб, оттопырив клещи, имитирует задний ход, но на самом деле бойко продвигается вперёд».

Смею предположить, что Гюнтер Грасс избрал не только верную траекторию повествования, но, сам того не подозревая, открыл целый пласт методологии исследований культурно-исторической педагогики. А какой же ещё может быть современная посттоталитарная педагогика, когда

в отрыве от истории и культуры она неизбежно превращается в иссохшую мумию, которую безуспешно пытаются реанимировать с помощью новых информационных технологий.

Биографии книжные и реальные

Воспользовавшись предложенной методологией, попытаемся применить её на практике. В зачине романа – биография Мученика. Любая слепая вера, какая бы идеология ни была положена в её основу, нуждается в мучениках, положивших за неё жизнь. Свои Павлики Морозовы были и в нацистской Германии. Среди них – Вильгельм Густлофф. Ему воздвигнут памятник, его именем назовут корабль, который в конце войны отправит на дно легенда советского флота подводник Александр Маринеско, чьи имя и подвиг будут долгое время замалчиваться в СССР. Спасутся единицы, среди них беременная женщина, которая на следующий день после чудесного спасения рождает автора повествования.

Чем же заслужил Вильгельм Густлофф все эти государственные почести? Персонаж во всех отношениях малопримечательный. Скромный банковский служащий, страдающий от рождения заболеванием гортани, а также хронической болезнью легких. Родился в 1895 году, но по слабости здоровья не был призван в армию и не воевал на фронтах Первой мировой. Для поправки здоровья был послан банком в Швейцарию, «где целебный воздух Давоса оказался настолько целительным, что причиной смерти его послужили совершенно иные обстоятельства». Окрылённый национальной идеей, вступил в нацистскую партию. Проявив врождённые организационные способности, на вербовал туда живущих в Швейцарии граждан Германии и Австрии: пять тысяч новых членов, которых свёл в образованные по всем кантонам местные отделения и заставил присягнуть тому, кому провидение уготовило роль Вождя.

«Реагируя на запрос, поступивший в Малый совет кантона Граубюнден,

представитель иммиграционной полиции спросил Густлоффа, насколько его партийная деятельность в качестве ландесгруппляйтера НСДАП согласуется с проживанием на суверенной швейцарской территории, последний ответил: «Больше всего на свете я люблю жену и мать. Однако если Вождь прикажет убить их, я подчинюсь приказу».

Остановимся и, воспользовавшись траекторией краба, совершим боковое движение в сторону и назад. Ровно в том же 1895 году родился блистательный советский поэт Эдуард Багрицкий. В написанном в 1929 году стихотворении явившийся больному и отчаявшемуся автору (поэт страдал и, в конечном итоге, умер от астмы) умерший Феликс Дзержинский говорит ему про наступивший век: «Но если он скажет: «Солги» – солги. Но если он скажет: «Убей» – убей». Так идейно и психологически осуществлялась подготовка будущих добровольных палачей, сначала у нас, а затем в нацистской Германии. Возможно, кого-то покоробит лобовое сравнение безусловно одарённого чувствительностью поэта с серым партийным функционером. Но ведь талант, как известно, ниспослан человеку свыше, он, простите, как прыщ, на ком хочет, на том и вскочит. А в сухом остатке – стремление людей XX века, вне зависимости от их личных дарований и конкретных условий существования, оправдать для себя жестокость идеологии и приход тоталитаризма. Это своего рода повреждение культурного кода, неизжитая генетическая болезнь, передаваемая по наследству следующим поколениям, пусть не в явном виде, но от этого ещё более опасная, поскольку гибель от неё наступает внезапно. Что и произошло с сыном повествователя.

Но вернёмся к биографии персонажа романа, а точнее к её завершению. Вильгельм Густлофф был убит давосским стрелком: студентом-медиком, евреем Давидом Франкфурером, страдавшим от рождения хроническим воспалением костного мозга, 4 февраля 1936 года, через три года после захвата власти нацистами, после чего был увенчан венцом Мученика за идею. При-

мерно в то же время старший матрос Александр Маринеско уже перешёл с торгового флота на Краснознаменный Черноморский военный флот, где после учебки и штурманских курсов попал на подлодку. (Э. Багрицкий умрёт своей смертью в 1934 году, в год убийства С.М. Кирова, и попадёт в советские святцы как певец революции и гражданской войны. Можно с достаточной степенью вероятности предположить, что не лишённый воображения и страстей комсомолец Маринеско, будучи родом из Одессы, упоенно читал стихи своего земляка.)

Так завязывался тугой узел грандиозной трагедии XX века, имя которой – Вторая мировая война, эхо которой глухими раскатами доносится до наших дней. Роман Гюнтера Грасса тому лишнее доказательство. У каждого свой взгляд на причины погружения в эту бездну. Экономисты, социологи и политологи предложат тысячи объяснений холодному технологическому варварству, приведшему к гибели миллионов безвинных людей. Каждый из них, как писал ушедший от нас недавно философ и культуролог, прошедший войну и сталинские лагеря, Г.С. Померанц, обладает лишь осколком истины.

Педагогические задачи

Свой педагогический осколок я много лет рассматриваю под увеличительным стеклом, силясь постичь не только причины случившегося, но главное – направление и траекторию дальнейшего движения педагогики XXI века. По-моему, ближе всего к пониманию главной педагогической задачи новейшего времени подошёл нидерландский адвокат и общественный деятель Авель Херцберг, его фрагменты из «Писем к внуку» недавно опубликовал журнал «Звезда» (№ 6, 2013 г.). Испытав на себе ад нацистских лагерей, он знал, о чём говорил. Когда после очередных чтений одна из слушательниц спросила его, что делать, чтобы наши дети снова не стали жертвами насилия, он ответил: «Это неправильная постановка вопроса. Правильная: что делать, чтобы наши дети сами не стали па-

лачами?». Ибо все эти кровавые мерзости творили обычные люди, обыватели.

В памяти немедленно вспыхнула картинка из СМИ: 2010 год, молодёжный лагерь на Селигере, где проправительственная организация «Сталь» водрузила на шести бутфорские головы известных правозащитников и критиков правящего режима. Нужно ли относиться серьёзно к играм (реальным и виртуальным) незрелых молодых людей? Быть может, подобные эксцессы возможны только у нас, не прошедших немецкого покаяния, не получивших прививки от тоталитаризма?

Тоталитарное сознание

Оказывается, ещё как нужно, ибо вирус тоталитарного сознания бесконечно мутирует, приспосабливаясь к изменившимся условиям. В частности и об этом необычная педагогическая проза Гюнтера Грасса. О детях и внуках войны позже. А пока вернёмся к вполне взрослым персонажам романа. Среди них – мать повествователя. Её детство и юность пришлось на двенадцать лет нацизма, а зрелость и старость совпали с расцветом зрелого социализма в Восточной Германии. В сознании этой женщины естественным образом сплелись обе тоталитарные идеологии. «Ещё в Шверине, когда я надевал пионерский галстук и синюю блузу, она вечно зудила: «Море-то было студеное, все детки погибли. Написать ты про это должен. Ты ведь, раз по счастью выжил, у нас в долгу. А я тебе потом всё расскажу, до самой малости расскажу, чтобы ты записал...»

И это говорит член партии, возглавляющий бригаду столяров на народной мебельной фабрике, производившей в плановом порядке спальные гарнитуры, на которые записывались, простаивая ночи напролет, граждане СССР, где в это же самое время влачит жалкое существование Александр Маринеско, герой замалчиваемого и в Союзе и в Германии подвига, пустивший на дно белый лайнер «СЧР». Здесь не только шок, пережитый женщиной на последнем месяце беременности, чудом спасшейся от

неминуемой гибели и поэтому бесконечно возвращающейся в памяти к тем драматическим событиям, здесь подсознательное ощущение близости двух тоталитарных идеологий. Хотя бы, соблюдая осторожность, она не должна была втягивать в эти воспоминания сына, растущего в коммунистической Германии, где вечная дружба с Советским Союзом – священная корова, а любые упоминания о зверствах русских – подсудны. Но, похоже, у этой дамы не возникает когнитивный диссонанс, не включается элементарный инстинкт самосохранения. Отчего так?

Здесь вступает в действие так называемая психология простого человека, включается классовый инстинкт, на который делали и делают ставку вожди тоталитарных режимов прошлого и нынешнего века, всячески подчёркивающие своё безмерное уважение к людям труда, широко пропагандирующие свою социальную патерналистскую политику. Что, собственно, изменилось в послевоенной Восточной Германии для людей труда? Символы и лозунги, но психологическая тональность существования осталась той же. Столяр, он всё тот же столяр и при Гитлере, и при Вальтере Ульбрихте.

В мирное довоенное время в Германии существовала организация «СЧР» – сила через радость. На борту белого лайнера, будущего «Вильгельма Густлоффа», к норвежским фиордам регулярно совершались экскурсии рабочих и служащих. На этом бесклассовом корабле вместе со своим народом не брезговали находиться и фашистские бонзы. Женщина регулярно вспоминала, «как восторгался папа норвежской фольклорной группой, её национальными костюмами и танцами, которые исполнялись на солнечной палубе «СЧР». «А мама-то всё восторгалась бассейном, который весь был выложен кафелем и мозаикой; его потом осушили, чтобы разместить там девушек из вспомогательного флотского батальона, тесно им было, а русский стрельнул прямо туда своей второй торпедой и превратил их в месиво...» Так это потом, а тогда, до войны, всё было так мило,

и главное – за копейки. (Цена всего сорок рейсмарок.) «Хорошо там было, почти как у нас в ГДР, даже, видать, почище...»

О такой заботе государства простой человек может только мечтать. Дешёвые туристические поездки и другие профсоюзные блага в ГДР продолжали эту линию. Что? Неизбежная расплата за добровольное рабство? Эти неосознанные отвлечённые материи оставьте рефлексирующей интеллигенции, которая, запутавшись вконец, сама не знает, чего хочет, а нам, обычным людям, предоставьте жить здесь и сейчас. Вот почему, благословенно вспоминая социальные благодеяния, полученные от нацистского Германского трудового фронта, женщина заливается слезами при известии о смерти Сталина. На попытки в спорах развенчать её героя она только отмахивается: «Ну и что, он тоже был всего лишь человеком...» (Этот «аргумент» убедителен для доброй половины наших сограждан по сей день.) При этом она бранит «гнусных осквернителей», разрушивших в 1949 годов памятник Вильгельму Густлоффу.

К той самой интеллигенции принадлежит повествователь. В юности ему удалось сбежать на Запад, где плюрализм и толерантность – норма жизни. Он журналист, сотрудничает то с правыми, то с левыми газетами. Да какая, собственно, разница? Потоки крови, пролитые в XX веке во имя великих идей, людей мыслящих отрезвили, заставили их подозрительно относиться к одухотворяющим идеям, болезненно ощущать фальшь любого пафоса и энтузиазма. «Я устал от двадцатого века, от его окровавленных рек» (В. Соколов).

Нравственная усталость, скепсис, мировоззренческий релятивизм – тот самый постмодернистский набор, определяющий состояние современного западного человека, которое метафорически выразил Беккет: «Голый человек на каменистой земле и пустое небо над ним». Связи повествователя с матерью практически прерваны. Что между ними общего? Но с сыном Конни отношения тоже не заладились. Усталость и скепсис – не лучшее духовное состояние отца, находящегося в разводе с матерью,

для воздействия на подростка. Тут, знаете ли, требуется идеализм. Зато у бабушки его оказалось в избытке. После падения берлинской стены её контакты с внуком стали регулярными, чего нельзя сказать о связи с сыном. Духовная близость внука с бабушкой обернулась трагедией. Именно бабушка подарила внуку «Макинтош» со всеми прибамбасами, «а произошло это после встречи на балтийском побережье, в курортном городке Дампе, куда съехались те, кто пережил катастрофу «Густлоффа». Ему исполнилось всего пятнадцать, когда благодаря ей он «подсел» на этот наркотик. Именно она сбила мальчика с толку».

Стена молчания

Прежде чем приблизиться к трагической развязке романа, совершим крабовый прыжок назад, в Советский Союз, где 30 января совершает свой подвиг Александр Маринеско. Личность в истории нашего подводного флота легендарная. Ещё бы, в результате лихой торпедной атаки пустил на дно лайнер, на котором находились тысяча моряков-подводников, а на обратном пути потопил ещё один корабль «Генерал фон Штойбен». «Тем не менее Главное командование Краснознаменного Балтийского флота не спешило представить командира, добившегося двух замечательных побед и вернувшегося на своей подлодке на базу, к званию Героя Советского Союза. Оно медлило. Командир и экипаж напрасно ждали традиционного в таких случаях банкета с жареным поросёнком и большим количеством водки...»

Долгие десятилетия после войны его подвиг замалчивался. Тому были свои причины. Герой был бесшабашным во всем: в отваге, любви к женщинам и вину. Начальство таких нарушителей воинской дисциплины не жалует, в годину суровых испытаний с трудом терпит, а затем избавляется от них от греха подальше. Мало ли что такой герой может выкинуть. Стоит ли удивляться тому, что при таком скандальном характере после войны А. Маринеско был списан на берег, а после войны поса-

жен в тюрьму. У него, заведующего складом стройматериалов, обнаружилась недостача. И героя отправили на три года на Колыму. Влиятельные силы продолжали мстить ему и в последующие годы. За что? Есть версия, о которой весьма осведомлённый повествователь не догадывается. Знающие люди рассказывали, что Маринеско во время войны публично обвинил одного из флотских начальников в присвоении части продуктов, что подводники отдавали от своего пайка детям блокадного Ленинграда. Такое не прощается, тем более, что в дальнейшем этот начальник успешно продвигался по карьерной лестнице и достиг степеней известных.

Тем временем имя Александра Маринеско обрастало легендами. Незадолго до смерти он дождался своего жареного поросенка, которого, отодвинув увешенных наградами адмиралов, преподнесли ему курсанты-подводники во время встречи с ветеранами. Но имя героя по-прежнему оставалось под запретом. Борьба за его возвращение в советский пантеон продолжалась долгие десятилетия. Стена молчания вокруг имени Маринеско была пробита на неожиданном педагогическом поле в начале восьмидесятых. В то время мои друзья-телевизионщики В. Медведев и С. Кунгурцева нашли-таки цензурную лазейку. На просветительском четвёртом канале они организовали «чисто педагогическую» передачу, куда пригласили детей членов экипажа легендарной подлодки СК-13. Где вдруг выяснилось, что их всех зовут Саша, благо это имя можно присвоить мужчинам и женщинам. Оказывается, все члены экипажа называли своих родившихся после войны детей в честь командира.

После прямого эфира посыпались угрозы сверху, но стена молчания была этой передачей взорвана. Спустя некоторое время появился роман К.Крона «Капитан дальнего плавания» и фильм «Командир счастливой щуки». Одним из последних в СССР А. Маринеско получил звание Героя Советского Союза посмертно. А 8 мая 1990 года, через сорок пять лет после

окончания войны, спустя двадцать семь лет после смерти, в Санкт-Петербурге ему установлен памятник. Так восторжествовала справедливость, а советский народ узнал правду о бессмертном подвиге. Но не всю. О полной правде не догадывались даже непосредственные участники событий.

Образ врага

Ещё один прыжок краба, и мы возвращаемся к тексту романа. Повествователю можно доверять, он точен в мельчайших деталях, именах и фамилиях. «А для Владимира Курочкина (пустившего три торпеды, – Е.Я.) безмянный потопленный корабль был до отказа набит фашистами, напавшими на его родину и оставлявшими за собою при отступлении выжженную землю. Лишь из рассказа Хайнца Шена он узнал, что после торпедной атаки погибли более четырёх тысяч детей, которые утонули, замерзли или были увлечены водоворотом от уходящего на дно судна. Эти дети ещё долгое время снились боцману в ночных кошмарах». Для сына Конни СК-13 – «лодка-убийца». Но почему, – вопрошает отец, – Конни врал на своём сайте? Но почему он утаивает то обстоятельство, что одновременно на борт были подняты более тысячи моряков-подводников и триста семьдесят девушек военнослужащих из вспомогательных подразделений ВМС, а также расчёты зенитных установок, спешно смонтированные на корабле?»

Так что, с одной стороны, это было госпитальное судно с беженцами на борту, а с другой стороны – военный корабль. **«Могу только догадаться, что толкнуло Конни на подлог: желание иметь чёткий незамутненный образ врага».** Образ врага облегчает и упрощает жизнь. Между тем в жизнь вступают новые поколения, не имеющие страшного опыта XX века. В эпоху всеобщего смятения умов их неискущённость создаёт благоприятную почву для попыток подкрасить тоталитаризм и выдать методы Гитлера и Сталина за спасение. Что требовать с подростков, когда взрослые оказались не в состоянии извлечь уроки прошлого?

Сколько их сегодня: «из вечно вчерашних, вроде моей матери, которые стараются вновь подогреть коричневое варево, живут ностальгией по прошлому и, подобно треснутой заезженной пластинке, поют осанну тысячелетнему Рейху». И это в Германии, прошедшей покаяние. Что говорить о нас? Повествователь ненавидит мать за то, что она внушила ребёнку прямую и ясную цель, но сам он этого сделать не смог. Найдя в Сети явно нацистский сайт сына, он задаётся вопросом: «Разве может молодой человек, воспитанный в довольно леволиберальном духе, быть сбитым с толку и уйти так далеко вправо»? Вопрос сродни недоуменной реакции некоторых наших соотечественников: откуда в стране, внёсший главный вклад в борьбу с фашизмом, молодые нацисты? Ещё как может. Девушка Е. Хасис, соучастница убийства адвоката антифашистов Маркелова, производит впечатление человека из интеллигентной семьи.

Виртуальные игры

С нарастающей тревогой отец следит в Сети, как его сын, взявший псевдоним «Вильгельм» в память Мученика, на сайте ведёт истребительную войну со своим оппонентом, присвоившим себе имя Давид в честь давосского стрелка. Эка невидаль – брань и взаимные оскорбления подростков в Интернете. Да сегодня они все поголовно уходят в Сеть, убегают от невнятицы и разногосицы нашей жизни, от лицемерия и лжи «промотавшихся отцов». Стоит ли относиться к виртуальным играм серьёзно? Мне ли, практикующему педагогу, не знать, что границы между виртуальной и реальной жизнью подвижны и относительно. На моей памяти не раз бывало так, что взаимные оскорбления «ВКонтакте» оборачивались реальным выяснением отношений, приводили к дракам, возникающим по самому ничтожному поводу. Здесь тот самый случай: незнакомые лично идеологические противники встретились для выяснения отношений в зловещем месте – на развалинах мемориала, где когда-то стоял памятник Мученику. На этой мрачной сценической пло-

щадке прозвучали четыре выстрела Конни: так «наши Сети притащили мертвеца». Позже сын повествователя уточнил, «что попал он столько же раз, сколько в своё время это сделал еврей Франкфуртер в Давосе». Виртуальный Давид на самом деле оказался чистокровным немцем – Вольфгангом Штремлином. Что ничуть не смутило убийцу, который заявил на суде: «Сути дела это не меняет. Мне самому надлежало принять решение, говорил ли и действовал ли человек, известный мне под именем Давид, как еврей, или нет»<...> «Я стрелял, потому что являюсь немцем и потому что в Давиде говорил Вечный жид».

Педагогическая картинка

Непосредственное общение родителей убийцы и жертвы в ходе судебного процесса выявило довольно распространённую педагогическую картину: утерю контактов с подростками; причиной их отчуждения послужила индифферентность родителей при оценке исторических событий, нежелание обсуждать с сыновьями проклятые вопросы бытия. В результате один зациклился на возмездии, а другой на покаянии. Оба выходили из юношеского одиночества через Интернет. Но это микрородительское собрание явно запоздало. После оглашения приговора, в тюрьме отец посетил сына: «Разговор шёл с запинками, но, главное, сын говорил со мной» (!) Мать-учительница редко посещала его, «нередко ссылаясь на занятость профсоюзными делами, поскольку вела общественную работу в секции «Воспитание и наука». В последнем, сделанном как бы мимоходом замечании, усматриваю едкую иронию по поводу так называемых научных подходов к воспитанию, которую, впрочем, разделяю.

А бабушка «вернулась к вере своих детских лет. Она сделалась католичкой, устроила в уголке гостиной подобие домашнего алтаря, где между цветами – белыми лилиями – стояли иконки Девы Марии, а рядом в странном соседстве находился портрет товарища Сталина в белом кителе, мирно

покуривающего свою трубку». Надо же, а я наивно предполагал, что сталинизм может быть только православным.

Ну и кто после прочитанного будет отрицать, что текст романа Гюнтера Грасса являет собой ценнейший педагогический источник? Увы, источник печальный – своего рода энциклопедия культурно-исторической, а следовательно, педагогической безопасности в борьбе с гидрой тоталитарного сознания, которая, как показывают текст романа и личный опыт, о многих головах. Вывод автора беспощаден: *«Никогда этому не будет конца. Никогда».*

Мифы

Но честный трезвый взгляд во всех отношениях ценней избыточных иллюзий. Люди в массе своей всегда будут жить мифами, сказками и легендами, ибо этот способ существования придает осмысленность жизни обычного человека, возвышает его в собственных глазах. Лишение же иллюзий всегда вызывает отчаянное сопротивление, поскольку при этой болезненной операции затрагивается не сознание, а глубокие ментальные эмоции. Миф невозможно отменить, его лишь можно заменить другим мифом. Часто мифы причудливым образом наслаиваются друг на друга, что с точностью отражено автором в образе Туллы Покрифке, матери повествователя, чьё сознание являет собой своеобразную матрешку из нахлбученных друг на друга мифов, прекрасно уживающихся между собой.

Итак, тоталитарный миф в сознании большинства людей неистребим, но это лишь повышает ответственность творческого меньшинства, к которому я отношу трезвых мыслителей и проникательных художников, среди последних, безусловно, и Гюнтер Грасс. Их вечный удел – всегда плыть против течения, терпеть поношения и сохранять бдительность. «Не надо убежать от предметов страха, потому что, убегая, вы всё равно страх с собою унесёте. А если пойдёте на них с обнажённой шпагой, то убедитесь в том, что это лишь воздух и тени» (Рене Декарт).

Практика духовных эпидемий

Никогда прежде и, к сожалению, до сих пор педагогика не ставила и не ставит перед собой глубоко осмысленной задачи профилактики духовных эпидемий, и, следовательно, не предпринимает осмысленных попыток её решения. А жаль. В ночь с 9 на 10 ноября 1989 года пала Берлинская стена. Вся Германия триумфально праздновала это событие. Но среди сограждан, переживавших всеобщую эйфорию, нашёлся учитель гимназии, который на своих уроках подробно рассказывал о том, как в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года во-

енизированные отряды СА и гражданские лица проводили Хрустальную ночь. (Ночь разбитых витрин.) Немецкие власти не вмешивались в события. Нападения привели к тому, что улицы были покрыты осколками стекла из окон принадлежавшим евреям магазинов, зданий и синагог. Когда к этому учителю пришли родители учеников, выражая недоумение его, как им показалось, неуместными лекциями, педагог объяснил: «Дети должны знать, что Стены просто так не возникают». И родители согласились! Нам бы таких родителей. Впрочем, этот документальный эпизод из совсем другого романа Гюнтера Грасса.

[55 - 60]

Технологии
и инструментарий

76